

МОНОСИЛЛАБИЗМ И ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ СЛОГА

Работа представлена кафедрой филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии СПбГУ.

В статье уточняется понятие слоговых языков. Различение слоговых и слогоморфемных языков имеет смысл лишь в том случае, если подразумевает два уровня анализа: как парадигматические единицы силлабема и слогоморфема в слоговых языках являются членами разных парадигм. В мон-кхмерских – квази-слоговых – языках любое односложное слово представлено силлабемой, но не каждое является слогоморфемой. В неслоговых языках слог не является парадигматической единицей и даже при преобладании в отдельных из них односложных слов он фонологически иррелевантен.

Ключевые слова: *фонология, фонологическая типология, слог.*

Yu. Krylov

MONOSYLLABISM AND PHONOLOGICAL RELEVANCE OF SYLLABLE

The article aims at a more precise definition of syllabic languages. Distinguishing between syllabic and syllabomorphemic languages does not make sense, unless it involves two levels of analysis. In the capacity of paradigmatic units, syllabeme and syllabomorpheme in syllabic languages are members of different paradigms. In the quasi-syllabic Mon-Khmer languages any monosyllabic word is represented by a syllabeme, yet not any of them are syllabomorphemes. In non-syllabic languages syllable is not a paradigmatic unit, and even if in some of them monosyllabic words are prevailing, syllable is phonologically irrelevant.

Key words: *phonology, phonological typology, syllable.*

Под моносиллабизмом в строгом смысле слова понимают такое состояние языка, при котором любое слово материально тождественно морфеме, а морфема – слогу, иными словами, в моносиллабическом языке все слова односложны, а само понятие морфемы оказывается избыточным. Считается, что именно таким было состояние древнекитайского языка. Его можно охарактеризовать как «глоссосиллабизм» [10, с. 81].

В современную эпоху в таком идеальном виде моносиллабизм практически не наблюдается. Современные китайский и вьетнамский языки далеко ушли от этого состояния. Для того чтобы этот термин продолжал соответствовать некоторому реальному, а не гипотетическому содержанию, приходится использовать менее строгое определение. Достаточно условиться, что в моносиллабическом языке «нормой... является соотношение, при котором морфема в плане выражения есть слог, а слог есть экспонент морфемы» [5, с. 158]. Иначе говоря, здесь мы имеем дело с «морфосиллабизмом» [10, с. 82].

Таким образом, мы возвращаемся к «классическому» определению Е. Д. Поливанова, которое не было избыточно жестким: моносиллабизм – «общелингвистический термин, служащий для характеристики морфологического строя определенных языков и обозначающий ту их особенность, что слово, или по крайней мере морфема, в виде общей нормы состоит из одного слога... Моносиллабическим... современный живой китайский язык может быть назван лишь в смысле принципиальной односложности морфемы, но не принципиальной односложности слова» [9, с. 381–382] (курсив мой. – Ю. К.).

В. Б. Касевич предлагает понимать под моносиллабическими языки, которые являются одновременно слоговыми и слогоморфемными [5, с. 260], несмотря на отсутствие реальных примеров языков, которые были бы только слоговыми, но не слогоморфемными, или только слогоморфемными, но не слоговыми.

Дифференциация этих двух терминов, которые большинство ученых употребляет синонимично, очевидно, имела бы смысл, если бы подразумевала два уровня анализа.

В первом случае слог трактовался бы как фонологическая единица (силлабема), во втором – как морфологическая (слогоморфема), хотя для языков рассматриваемого типа это материально тождественные единицы. Однако в пользу такого, на первый взгляд искусственного разделения существует весомый аргумент: как парадигматические единицы силлабема и слогоморфема являются членами *разных* парадигм. Например, китайское *san* ‘три’ как силлабема противостоит слогам *sa, sai, sang, sao* или *tan, nan, tan* и т. п., каким бы морфемам они ни соответствовали, а как слогоморфема – словам / морфемам *yi* ‘один’, *er* ‘два’ и т. д.

Для В. Б. Касевича такая интерпретация, по-видимому, неприемлема: «Морфологической единицей слогоморфема не может быть сочтена в силу полной иррелевантности для нее значения» [5, с. 159]. Существует, правда, и прямо противоположное мнение: «Подавляющее большинство слогов [вьетнамского языка] лексически значимы, т. е. обладают собственным значением» [2, с. 5].

Действительно, в слоговых языках (СЯ), кроме значимых единиц, имеется немалое количество асемантем – силлабем, не соотносимых с морфемами, и, соответственно, некоторое количество более чем односложных слов, не членимых морфологически. Наличие асемантем, как бы ни велико было их количество, очевидно, не препятствует квалификации китайского, вьетнамского и подобных им языков как СЯ, поскольку большинство асемантем относится к периферии языка – заимствованной лексике или спонтанной редупликации (наподобие *рус. хухры-мухры, шурум-бурум* и т. п.).

Ввиду отсутствия значения асемантемы нельзя считать слогоморфемами, хотя в структурном отношении они ничем от слогоморфем не отличаются. Тем более, что «практически любой слог, вне зависимости от его действительного морфологического статуса, в том числе и не имеющий значения, ведет себя в грамматических процессах как полнозначная единица» [3, с. 159]. Но, несмотря на это, класс асемантем все же целесообразно рассматривать отдельно от слого-

морфем. В таком случае отпадает необходимость приписывать им какое-либо «нетрадиционное» значение, включая «структурное», «остаточное», «отрицательное», «потенциальное» и т. п.

В мон-кхмерских языках, которые типологически принадлежат к квази-СЯ, поскольку, в отличие от СЯ, пользуются неслоговыми (консонантными) аффиксами, любое односложное слово в фонологическом плане представляет собой силлабему, но далеко не каждое из них можно считать слогоморфемой. К слогоморфемам, бесспорно, следует относить только непроемные слова, обладающие значением, и, возможно, такие, которые уже не воспринимаются как производные. Например, слова *daəm* ‘начало’, *ɾdaəm* ‘начинать’, *kaś* ‘рубить’, *knas* ‘пень’ представлены силлабемами. Из них слогоморфемами являются только *daəm* и *kaś*. Что касается *ɾdaəm* и *knas*, их нельзя считать слогоморфемами, так как, помимо корня, первое содержит префикс *p-*, а второе – инфикс *-n-*. Таким образом, в мон-кхмерских языках обнаруживается особая единица, не имеющая аналогов в СЯ – силлабема, экспонирующая две морфемы односложного слова («биморфосиллаб»). В связи с этим понятие слогоморфемы для кхмерского, вероятно, менее актуально, чем для СЯ: здесь это уже не единственная форма односложных слов, а только одна из форм.

Насколько понятие моносиллабизма применимо к неслоговым языкам (НСЯ)? Ведь, как утверждают, «не всегда существует четкая граница между языками слоговыми и неслоговыми. Основные европейские языки занимают промежуточное положение» [6, с. 459].

Действительно, во многих НСЯ иногда можно обнаружить довольно длинные последовательности, состоящие из одних односложных слов, в особенности в германских, кельтских, албанском, румынском, французском языках. Разумеется, такие последовательности для НСЯ в целом (и даже для перечисленных!) нетипичны, они преобладают в разговорном языке, но и там довольно часто прерываются словами большей протяженности. В славянских языках длинные после-

довательности односложных слов встречаются реже ввиду более развитой флексии, однако здесь это тоже реально. Ср.:

рус. *Я и не знал, что чуть ли не всю ночь лил дождь, хоть и встал чуть свет. А день был тих и сер;*

нем. *Um acht Uhr ich war noch im Bett, wann ein Gast kam;*

англ. *Then he drew out one of the chairs which stood by the wall, and said: "Sit down, my friend"; "You have quite grown up since I last saw you, Miss Brown", he said;*

нид. *Is hij al lang dood? – Ja, al een jaar of acht: ik was nog een klein kind* («Давно он умер? – Да, уж лет восемь назад. Я еще совсем ребенком был»); *Dit is niet een dag voor jou om naar zee te gaan* («Для тебя это неподходящий день, чтобы идти на море»);

фр. *Mais tu sais très bien que je ne dis pas des choses, dont je ne suis pas sûr.*

Зададим себе вопрос, могут ли эти примеры* дать представление о моносиллабизме, о том, что такое СЯ и слог в СЯ? Отвлечемся от грамматики и фонетики, которые, естественно, отличаются чрезвычайно, и сосредоточимся на слоге, его фонологической структуре и стабильности, а также на соотношении слога и морфа.

Ближе других к нормам СЯ окажется немецкий пример, где благодаря отсутствию ресиллабации (в приведенных примерах) каждый слог сохраняет свою фонологическую структуру и соответствует одному морфу (исключение – *im = in dem*). Особенно необычны разве что кластеры в конце слога (*acht, Gast*).

В английском и нидерландском примерах отметим наличие кластеров (*br-, dr-, fr-, gr-, kl-, st-*; *-cht, -nd, -ns, -st*) и консонантных аффиксов (*chair-s, grow-n, sai-d, gaa-n*), нарушающих тождество слога и морфа. В обоих этих языках, в отличие от немецкого, отсутствует твердый приступ, поэтому ничто не препятствует ресиллабации (*grown up* [grəu-nɪp], *jaar of acht* [ja:-kɔ-faχt], *niet een dag* [ni:-tən-dax], *nog een kind* [nɔ-χən-kɪnt]). Во всех трех германских языках имеет место аблаут, что также в корне отличает их от СЯ.

В русском примере отметим случаи ресиллабации, неприемлемой с точки зрения СЯ (*хоть и* [хо-ти], *тих и* [ти-хы]), а также начальнослоговые кластеры. Чтобы произнести нечто подобное русскому *встал*, китайцу может потребоваться 4 слога (что-нибудь типа [fʊ-sʊ-ta-er])! Кроме того, в одном этом слоге заключено 3 морфа, что опять-таки исключено для СЯ.

По сравнению с германскими и славянскими языками для французского, вследствие падения большинства конечных согласных, характерна более простая структура слога. Казалось бы, именно он должен быть ближе прочих к идеалу СЯ. На самом же деле французский оказывается их *полной противоположностью!* Если спросить нескольких французов, сколько слогов в приведенном примере, надо быть готовым услышать разные цифры – вероятно, от 14 до 18. Более того, если попросить их перечислить эти слоги, их качественный состав также не совпадет. При этом в отдельных слогах может содержаться до 3 морфов, каждый из одного звука.

Разумеется, такой разнобой объясняется наличием разных стилей произношения – в первую очередь литературного и разговорного. Над последним, хотя он приобретает все большее распространение, иронизируют и сами французы. Ш. Балли рассказывает случай, как однажды Ж. Вандриес, в шутку, показал, что благодаря современному французскому произношению некий стих Виктора Гюго «можно удлинить на три слова, не увеличивая числа слогов» [1, с. 308].

Еще одной поразительной особенностью французского языка (с точки зрения других языков, в первую очередь – СЯ) является то, что при изменении порядка слов, например, при преобразовании повествовательного предложения в вопросительное и наоборот, и качественный состав слогов и даже их *количество* (!) могут измениться, в чем легко убедиться, сравнивая следующие примеры:

Tu es Espagnol [tʏe-zɛs-pa-ɲɔl] – *Es tu Espagnol?* [ɛ-ty-ɛs-pa-ɲɔl]

Il n'est pas sûr [il-ne-pa-sy.r] – *N'est-il pas sûr?* [ne-til-pa-sy.r]

Je ne l'ai pas dit [ʒnɛ-le-pa-di] – *Ne l'ai-je pas dit?* [nɛ-le.ʒ-pa-di].

Излишне говорить, что в языках, примеры из которых мы только что рассмотрели, в устной речи никакого членения на слоги в действительности не происходит. Слова объединяются в синтагмы, консолидированные единым ударением, слог как фонологическая единица или как элемент слова не играет здесь никакой роли. Чуть ли не единственное применение как единица чего бы то ни было слог находит в метрическом стихосложении. С фонологической точки зрения слог НСЯ абсолютно иррелевантен (исключением можно считать функцию слога как носителя ударения, однако она осуществляется на тех уровнях лингвистического анализа, которые выходят за пределы нашего рассмотрения).

Разумеется, некоторые тенденции в развитии отдельных НСЯ в сторону моносиллабизма имеют место. Так, отмечавшийся Г. П. Мельниковым резкий сдвиг английского в сторону изолирующей морфологии (отпадение большинства флексий, «оголение» корней, преобладание в речи односложных слов [8, с. 280]) еще более заметен, по свидетельству Ю. К. Кузьменко, в некоторых ютландских диалектах датского языка. По многим признакам эти диалекты поразительно похожи на СЯ Юго-Восточной Азии. Во многих из них наблюдается выраженная тенденция к силлабемности (моносиллабизму), а некоторые из них уже «стали слоговыми и типологически имеют сходство со слогоморфемными языками» [7, с. 233] (курсив мой. – Ю. К.).

Это утверждение подкрепляется многочисленными фактами самого разнообразного свойства: 1) отмечается «преобладание односложных слов» (число двусложных «в тексте на ютландских диалектах не превышает 2%»); 2) «у значительной... части слов грамматические значения, выраженные в литературной норме аффиксами, совсем не выражены», так что, например, «фраза [hanj wanjɔr fo'r hɛn ve' heɪ'n] может иметь 24 значения»; 3) «среди современных германских диалектов можно найти диалекты, ...где... слогоконечные согласные ни в одной из форм слова не могут превращаться в слогоначальные», т. е. в этих датских диалектах невозможна ресиллабация даже в случае

[o'n-i] (датское литературное *orne* [o'n-ə]). Какими способами достигается такое слоговое деление – не ясно; по предположению Ю. К. Кузьменко, «вероятнее всего оно связано с имплозивностью согласного»; 4) «замена суффицированного артикля свободностоящим артиклем... наносит последний удар по фонемному членению, поскольку при таком изменении исчезают последние позиции несовпадения слоговых и морфологических границ»; 5) «появление ударных предлогов также интерпретируется нами как свидетельство становления изолирующего слогоморфемного строя в ютландских диалектах. В этих диалектах предлоги фонологически не отличаются от значимых слов» и, наконец, 6) «тенденция к замене динамических характеристик “тонов” мелодическими характеристиками» – налицо становление системы «слогоморфемных тонов» [7, с. 118, 119, 121, 232, 234 и др.].

Здесь перечислены только те тенденции развития ютландских диалектов, которые, на наш взгляд, представляют интерес с точки зрения рассматриваемой темы. Действительно, несмотря на незавершенность некоторых фонологических процессов, здесь просматриваются особенности, характерные для СЯ. Тем не менее сохраняются и существенные различия. По замечанию Ю. К. Кузьменко, «в отличие от слоговых языков Юго-Восточной Азии грамматические значения в ряде случаев передаются здесь либо чередованием просодическим (тип /hūs/ – /hu's/, датск. литературный: *huse* – *hus*), либо чередованием качественной части силлабемы (тип /ro/ – /raï/ – /rai'/ *rade* – *radede* – *radet*)» [7, с. 121].

Кроме того, в отличие от настоящих СЯ, в ютландских диалектах все же довольно разнообразная дистрибуция согласных. По-видимому, большинство из них может замыкать собой слог, в то время как в большинстве СЯ в качестве конечнослоговых могут использоваться лишь от 2 до 8 (реже – 10) согласных.

Сомнительной кажется и возможность деления датских слогов на инициаль и финаль. Технически это, конечно, осуществимо, однако, в отличие от СЯ, датские “инициали” и “финали”, как и датский “силлабизм” во-

обще, очевидно, не составили бы системы – собственно силлабация.

Разумеется, сходство английского со СЯ также весьма преувеличено: с китайскими, например, слогами можно сравнить лишь английские слоги типа *see*, *fan*, *hung* и т. п., строящиеся по формуле CV(C). Отвлечемся от того, что в китайском и других слоговых языках невозможны трансформации типа *see* – *saw*, *hung* – *hang* и т. п. В целом же структура английского слога значительно сложнее: возможны стечения согласных в начале и в конце слога, гораздо разнообразнее его заключительные элементы, в том числе допускаются звонкие шумные. Кроме того, в английском, как и в других НСЯ, наблюдается относительная свобода сочетаемости звуков, которые могут комбинироваться немислимым для СЯ образом: *skate* – *stake* – *takes* – *Kate's*; *stiff* – *fist* – *fits* – *sift* – *tiffs*; *case* – *sake* – *aches*; *eagle* – *leage* – *glee*; *strike* – *Christ* и т. п.

В тех НСЯ, которые допускают закрытые слоги, теоретически возможное число слогов с данным набором звуков вычисляется по формуле $Q_s = n!$ (n-факториал), где n – количество звуков в слоге, хотя реализуются далеко не все возможные варианты. Имеются определенные фонотактические ограничения, определяющие заведомую невозможность некоторых сочетаний звуков, и просто так называемые “пустые клетки”, не заполненные чисто случайно. Так, для звуков [s], [k], [æ], [t] в английском языке теоретически возможно 24 комбинации, однако реализовано, по-видимому, лишь 7 (*scat*, *stack*, *tax*, *cats*, *sacked*, *acts*, *axed*). Можно добавить сюда еще 3 однослога в американском произношении: *cast*, *task*, *asked*. Таким образом, реализовано всего около 42% теоретически возможных слогов данного состава**.

Разумеется, есть достаточно примеров и совсем противоположных. Так, слоги типа *thing*, *fire*, *hurt* и другие не допускают никаких трансформаций, если не считать наращивания однослогоных аффиксов (*things*, *hurts*).

При всех возможных аналогиях в СЯ дело обстоит совершенно иначе. Принципиальные различия между структурами слога в СЯ и НСЯ отмечались учеными уже достаточно давно (напр., в [4]).

Первое принципиальное отличие слогов в СЯ и НСЯ состоит в том, что в СЯ элементы слога не допускают никаких перестановок внутри слога, поскольку за каждой позицией закреплено место для звуков вполне определенного класса. В кхмерском (квази-СЯ), правда, возможны пары типа *kat* ‘резать’ и *tak* в *tak-taeŋ* ‘описывать’ (если допустить, что эксплозивные начальные и имплозивные конечные согласные фонологически тождественны), *ksat* ‘король’ и *skat* ‘преграждать’. Значительно меньше таких возможностей можно предположить для вьетнамского языка, поскольку в нем не допускаются консонантные кластеры. В путунхуа (современном стандартизованном китайском), исключительно бедном конечнослоговыми согласными, по-видимому, невозможно найти другого примера, кроме *paŋ* (независимо от значения), но и здесь речь может идти лишь о перестановке «одного и того же» звука.

Второе, пожалуй, еще более важное отличие заключается в том, что фонетический слог НСЯ может объединять в себе несколько морфов (ср. рус. *с-бор-ø*, *вз-дох-ø*, *с-мерть*; англ. *hand-s*, *want-s*, *cri-ed*, *grow-th*; нем. *sprich-st*, *lang-st*). Морф же, в свою очередь, может содержать несколько слогов – или быть меньше слога.

Итак, даже по сравнению с таким языком, как английский, характер и фонологический статус слога в СЯ принципиально отличен. Таким образом, если здесь и можно говорить о моносиллабизме, то только как о весьма отдаленной и маловероятной перспективе: ведь английскому для этого пришлось бы, например, каким-то образом избавиться от показателей множественного числа существительного и третьего лица глагола, а также и от слов типа *remote*, *perspective* или *monosyllabism*, при возможном сохранении *un-like-ly*.

ПРИМЕЧАНИЯ

* О том, насколько эти примеры случайны и непоказательны, свидетельствует уже то, что при их переводе с одного из этих языков на другой будут почти неизбежно появляться слова большей протяженности.

** Для сравнения: в тех НСЯ, где закрытые слоги отсутствуют, $Q_s = 1$ (данный согласный + данный гласный). В большинстве СЯ это количество также равно или приближается к единице. СЯ занимают промежуточное положение между двумя типами НСЯ, но в то же время принципиально отличаются от обоих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: ИЛ, 1955. 416 с.
2. Быстров И. С., Нгуен Тай Кан, Станкевич Н. В. Грамматика вьетнамского языка. Л.: ЛГУ, 1975. 225 с.
3. Касевич В. Б. Аспекты моносиллабизма // XIV Тихоокеанский науч. конгресс. Комитет L, социальные и гуманитарные науки: Тезисы докладов. М.: Наука, 1979. Т. 2. С. 258–260.
4. Касевич В. Б. Слог в общем и дальневосточном языкознании // Теория языка: Методы его исследования и преподавания. М.: Наука, 1981. С. 141–146.
5. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
6. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
7. Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л.: Наука, 1991. 284 с.
8. Мельников Г. П. Морфологический строй языка и средства словоразграничения // Исследования по фонологии. М.: Наука, 1966. С. 262–284.
9. Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991. 623 с.
10. Ремарчук В. В. К вопросу о моносиллабизме: сборник статей по восточному языкознанию. М.: Наука, 1973. С. 78–88.

SPISOK LITERATURY

1. *Balli Sh.* Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: IL, 1955. 416 s.
2. *Bystrov I. S., Nguen Tay Kan, Stankevich N. V.* Grammatika v'yetnamskogo yazyka. L.: LGU, 1975. 225 s.
3. *Kasevich V. B.* Aspekty monosillabizma // XIV Tikhookeanskiy nauch. kongress. Komitet L, sotsial'nye i gumanitarnye nauki: Tezisy dokladov. M.: Nauka, 1979. T. 2. S. 258–260.
4. *Kasevich V. B.* Slog v obshchem i dal'nevostochnom yazykoznanii // Teoriya yazyka: Metody ego issledovaniya i prepodavaniya. M.: Nauka, 1981. S. 141–146.
5. *Kasevich V. B.* Fonologicheskiye problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaneya. M.: Nauka, 1983. 295 s.
6. *Kodzasov S. V., Krivnova O. F.* Obshchaya fonetika. M.: RGGU, 2001. 592 s.
7. *Kuz'menko Yu. K.* Fonologicheskaya evolyutsiya germanskikh yazykov. L.: Nauka, 1991. 284 s.
8. *Mel'nikov G. P.* Morfologicheskiy stroy yazyka i sredstva slovorazgranicheniya // Issledovaniya po fonologii. M.: Nauka, 1966. S. 262–284.
9. *Polivanov E. D.* Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaneyu. M.: Nauka, 1991. 623 s.
10. *Remarchuk V. V.* K voprosu o monosillabizme // Sbornik statey po vostochnomu yazykoznaneyu. M.: Nauka, 1973. S. 78–88.